

УДК 82.091

ИСТОРИЧЕСКАЯ ВЗАИМОСВЯЗЬ ТАДЖИКСКО-КЫРГЫЗСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

К.Ш. Чотикеева

Рассматривается литературно-историческая взаимосвязь таджикско-кыргызской литературы в сравнительном аспекте.

Ключевые слова: история литературы; дружба народов; художественный перевод; единые истоки; литературная традиция.

HISTORICAL RELATIONSHIP TAJIK-KYRGYZ LITERATURE

K.Sh. Chotikeeva

It deals with literary and historical relationship Tajik-Kyrgyz literature in comparative aspect.

Key words: history of literature; friendship among peoples; literary translation; common origins; literary tradition.

Человеческое общество за время своего существования находится в процессе физического, духовного и социального развития.

Анализ многотысячелетнего процесса культурогенеза позволяет выявить истоки различных видов культурной деятельности человека. Большинство из них появилось в ходе практического овладения человеком миром природы, в процессе целесообразного создания различных предметов жизнедеятельности [1, с. 10].

Во времена Союза фраза “Дружба народов – дружба литератур” использовалась в качестве афоризма. Эти слова не были просто лозунгом, они стали сутью той жизни, которой жили все советские народы. Границы между республиками в те времена были условными, никто не охранял их с автоматами как сегодня. Имея советский паспорт, можно было беспрепятственно ездить по огромной стране, занимающей шестую часть мировой суши. За годы советской власти возникла новая общность людей – советский народ – с одинаковым образом жизни, единой идеологией, одними целями и мечтами. Именно ту огромную Родину славил в 1941 г. кыргызский поэт К. Маликов:

Мекеним – кең Москва таалай чачкан,
Мекеним – Украина алтын баскан.
Мекеним – Памир, Алай, Тянь-Шандар,
Аскасы асман менен кучакташкан.
Мекеним – Ленинград, Балтик деңиз,
Мекеним – көркөм Кавказ, толгон жемиш.

Мекеним – чер токойлуу кенен Сибирь.

Байлыгын эч бир кылым эсептегис [2, с. 175].

Корни таджикско-кыргызской дружбы уходят в седую древность. До сих пор в Горном Бадахшане Таджикистана есть целый район, населенный кыргызами, а в Кыргызстане – села с преобладанием таджикского населения. Границы между нашими теперь суверенными странами, хотя и отдалили нас территориально, но духовно и душевно два наших народа продолжают жить бок о бок, справляя интернациональные свадьбы.

Если же говорить о прежних культурных связях, то особенно близки были писатели наших двух народов. Доброй традицией стали в те времена поездки целых бригад писателей и поэтов на съезды, литературные недели, декады друг к другу.

Активны были творческие связи наших литературоведов в сфере науки, так, на Всесоюзной конференции “Взаимодействие литератур и фольклора”, проходившей в 1974 г. в Душанбе, участвовали представители науки и образования Кыргызской ССР. Уже многие годы в КР на филологических факультетах ведется спецкурс “Литературы народов Центральной Азии”, охватывающие таджикско-персидскую, узбекскую, казахскую литературы. Во время изучения таджикской литературы преподаватели вместе со студентами подвергают глубокому аналитическому сравнению великое творение “Шах-наме” и океаноподобный кыргызский эпос “Манас”, обращая особое внимание на их сходные

моменты. Если Манас сумел объединить разрозненные сорок кыргызских родов и привел их из Алтая на землю Ала-Тоо, то Фирдоуси своим великим дастаном призывал северных и южных иранцев прекратить розни и объединиться в единое государство. Много объединяет эти два творения наших братских народов: это и отдельные эпизоды композиции, и тема героизма, и проблемы семьи, и вопросы морально-этического плана.

Двухтомник “Шах-наме” на русском языке из кабинета имени К.К. Юдахина уже многие годы является книгой, пользующейся большим интересом среди наших студентов. Они прекрасно знают все перипетии, связанные с именами богатырей Рустама и Сиявуша.

Студенты наши при случае любят блеснуть цитатами из рубаи Омара Хайяма о судьбе, любви, вине в переводе на кыргызский язык. Знают они и творчество Саади, Хафиза, с удовольствием ищут соответствия их острым двустишиям в родном языке или пытаются перевести их.

При изучении таджикской советской литературы говорится о схожести судеб Садриддина Айни и Аалы Токомбаева. Если С. Айни подвергался гонениям со стороны эмира Бухары, то А. Токомбаев в 1916 г. был вынужден бежать от царских карателей в Китай, потерял там всех родных и близких. Кое-как вернувшись на родину, в годы временного правительства Керенского, он спасается от голодной смерти тем, что просит милостыню. Затем он подражается помощником торговцев скотом и вместе с ними добирается до Ташкента. С помощью обучающихся там ребят он поступает на шестимесячную учебу в советскую партшколу, обучается там грамоте, а через год поступает в Среднеазиатский коммунистический университет. 7 ноября 1924 г. в первом номере газеты “Эркин-Тоо” печатается его стихотворение “Октябрдын келген кези” (по-русски дословно “Время прихода Октября”, в книжных переводах – “Эпоха Октября”). Это стихотворение маршевого типа по содержанию очень схоже со стихотворением С. Айни “Да здравствуют Советы!”.

Похожие жизненные обстоятельства способствуют созданию однотипных произведений. Так, повести А. Токомбаева “Израненное сердце” и “Мы были солдатами” имеют много общего с произведениями С. Айни “Бухара”, “Одина”, “Дохунда”. Или вот другой пример. А. Токомбаев, как и Мирзо Турсун-заде, через много лет случайно встречает человека, с которым когда-то провел вместе тяжелые годы, и посвящает ему поэму “Майлыбай”. Теперь этот человек в результате упорного труда стал передовым работником, он ухаживает за стадом новой алатауской породы коров.

Когда мы говорим о кыргызско-таджикских литературно-культурных и исторических взаимосвязях, не можем обойти своим вниманием эпос “Манас”.

Когда скончался богатырь Манас, его сын Семетей лежал еще в колыбели. Сводные братья Манаса, Абыке и Кебеш, сыновья хана Жакыпа от жены-калмычки, принялись грабить орду Манаса, вознамерившись убить мальчика Семетея – наследника престола богатыря. И тогда мудрая Каныкей вместе с сыном и своей свекровью Чыйырды бежит к своему отцу Темирхану в Бухару. По эпосу, Санирабига, дочь Темирхана, став женой исполина Манаса, была наречена кыргызским именем Каныкей. Она стала не только мудрой супругой богатыря, но и женщиной, способной сесть на коня и защищать свой народ. Каныкей у кыргызов стала символом ума, красоты и рукоделия.

Темирхан поручает своему младшему сыну Исмаилу взять на воспитание младенца Семетея. До двенадцати лет Семетей считал своим отцом Исмаила, называя Каныкей тетей. Он получает хорошее по тем временам образование и воспитание. Но все изменяется после того, как Семетей, охотясь в лесу, встречается с Сарыгазом, который специально прибыл из Таласа, чтобы найти Семетея. Сарыгаз открывает отроку всю правду о его родителях, говорит о том, что тот должен прибыть на свою землю и силой вернуть власть над кыргызами, коих после смерти Манаса одолевают родовые распри, вместо того, чтобы жить в Бухаре пришлым бродягой. В это время Каныкей после гадания на камешках выпускает своего скакуна Тайтору на скачки, и тот приходит первым. Далее в эпосе следует большой фрагмент “Рассказ Каныкей”. Она рассказывает сыну всю правду о его родословной, о настоящей родине. И тогда богатырь Семетей, не теряя времени и не дожидаясь своих джигитов, один отправляется в Талас, покинув Бухару.

Думаю, что этот сюжет, уже более тысячелетия переходящий от сказителя-манасчи к другому манасчи, – не просто фантазия первого сказителя, а факт, имеющий жизненную основу. Во всяком случае, до сих пор никто из многочисленных исследователей великого кыргызского эпоса не осмелился оспаривать тот факт, что Каныкей – дочь таджикского хана. И только профессор С. Байгазиев высказывает некоторые сомнения, опираясь на то, что уж слишком по-кыргызски звучат имена таджиков из древней Бухары.

Самая основная форма литературных связей – *перевод*. Именно переводы сближают народы, позволяют лучше узнать друг друга. Активное освоение нашими переводчиками произведений таджикской литературы приходится на послево-

енное время. Если говорить о классике, то перевод “Шах-наме” в двух томах был осуществлен Р. Шукрбековым в 1958 и 1960 гг.; Хафиз (пер. К. Бобулов и С. Эгиналиев) – 1972; Омар Хайям. Рубаи (пер. Ж. Субанбеков) – 1980; Саади (пер. Ш. Абдраманов) – 1983; Омар Хайям. Рубаи (пер. Ж. Садыков, Т. Шаршенбаев) – 1987, 1989; Омар Хайям. Рубаи (пер. Б. Акунов) – 1993; Омар Хайям. Рубаи (пер. С. Жусуев) – 2000; Омар Хайям. Рубаи (пер. К. Оторбаев) – 2015; классический произведений восточной литературы, в том числе и поэзии Рудаки, Фирдоуси, Омара Хаяма, Саади и других на кыргызский язык перевел видный кыргызский поэт Э. Эрматов.

Из советской классики: С. Айни. Бухара (Эстеликтер) (пер. Т. Шамшиев) – 1954; Айни (пер. А. Камилов) – 1955; Айни. Сүткордун өлүмү (пер. М. Гафаров) – 1956; Айни, Томояк (пер. Т. Баялиев) – 1956; Турсун-заде. Индиялык баллада (пер. Т. Уметалиев) – 1953; Турсун-заде. Достук закондору (пер. К. Акаев) – 1954; Турсун-заде. Хасан арабакеч (пер. С. Эгиналиев) – 1959; Турсун-заде. Гангадан Кремлге чейин. Поэмалар (пер. С. Эгиналиев) – 1973; Памир жылдыздары (Чыгармалар. Пер. коллектив) – 1962; Памир авазы (Стихи таджикских поэтов: пер. С. Жусуев); Повести и рассказы таджикских писателей (пер. М. Каримов) – 1991.

Как явствует из вышеизложенного, чаще всего из классиков персидско-таджикской литературы на кыргызский язык переводили Омара Хайяма. Главная причина такого состояния дел заключается, конечно, в том, что его рубаи весьма глубоки и жизненны по содержанию, образны, наполнены мудростью. Каждый поэт, считающий себя готовым замахнуться на классиков, в соответствии с традициями назирь – поэтического состязания с коллегами по перу – на каком-то этапе своего творчества стремится поспорить с предшественниками. В этом поэтическом споре каждый автор использует разные приемы. Кто-то, в соответствии с требованиями реалистического перевода, стремится не слишком отходить от оригинала, ищет пути и средства для максимального приближения к образу. Другой берет курс на “вольный перевод”, иначе говоря, держит в центре своего внимания лишь основную тему, скажем, рубаи Омара Хайяма, а содержание стремится сделать “своим”. В качестве примера второго направления можно отметить переводы К. Оторбаева.

Достоинство этой методики в том, что произведение становится максимально понятным и близким читателю. Многие десятилетия назад Алыкул Осмонов осуществил конгениальный, вольный перевод на кыргызский язык шедевра Шота Руста-

вели, поэмы “Витязь в тигровой шкуре”. Исследование читательских интересов старшеклассников Кыргызстана, осуществленное в 80-е гг. прошлого века, засвидетельствовало, что эта поэма, ее автор и персонажи безоговорочно лидируют в материалах анкетирования о любимых писателях, произведениях и героях школьников нашей страны в области зарубежной литературы и литератур народов СССР. [3, с. 20] Долгие годы это произведение (находящееся в определенном типологическом родстве с поэмами “малого эпоса” в кыргызском фольклоре) живет в Кыргызстане как факт родного нашим читателям явления высокой литературы. Несколько поколений кыргызов выросло на этом эпосе. Свидетельством их всеобщей любви к произведению Ш. Руставели служит и то, что сейчас очень много кыргызов носят имена героев грузинского рыцарского эпоса: Таризэл, Автандил, Тинатин, Нестан-Дарежан.

Нелишним здесь будет привести лишь две строфы из переводов С. Жусуева из более чем 400 рубаи Омара Хайяма, чтобы понять, как говорил бы великий поэт-жизнелюбец, будь он кыргызом.

Өмүр өттү, китеби баракталып,
Көктөм, шаттык жоголду, каракталып,
Жаштык кушу, билбедим, качан келип,
Качан кетти, кайрылбай, канат кагып.

Өмүр өтөт, **шам чырактай**, үйлөсөң,
Өлүм барбы, жүрөккө мун үйбөгөн.
Сурар элем: “Абал кандай ал жакта?”

Бир да жан жок келген аркы дүйнөдөн [4, с. 355].

В тексте можно видеть два разных стиля. Первый – стиль самого Омара Хайяма, второй – кыргызский. Если первая строка – сравнение жизни с перелистыванием страниц книги – характерна для образованного автора, имеющего привычку к чтению, то сравнение человеческой жизни со “слабым пламенем свечи, гаснущим от легкого дуновения” – наиболее часто используемое в традиционной кыргызской поэзии сравнение. Подобное “сосуществование” двух стилей, в принципе, приветствуется в теории перевода.

Частое обращение кыргызских собратьев по перу к творчеству классиков советской литературы С. Айни и Мирзо Турсун-заде – закономерное явление, не требующее долгих пояснений.

Так, роман Садриддина Айни “Бухара” (“Воспоминания”) близок и понятен кыргызским читателям, потому что они достаточно хорошо знакомы с подобным автобиографическим произведением Мукая Элебаева “Узак жол” (“Долгая дорога”). Персонаж последнего – подросток, которому, как и Садриддину Айни, пришлось с детства испытать тяжелые лишения. А Мирзо Турсун-заде – пре-

красный поэт милостью божьей, а истинная поэзия особенно любима и ценима кыргызами с их многовековым устным народным творчеством, передающимся из поколения в поколение умением слушать и, что особенно важно, слышать.

Первые публикации, связанные с таджикской литературой и особенно с творчеством С. Айни и Мирзо Турсун-заде, на страницах кыргызской периодической печати стали появляться с 1935 г. Так, статья достаточно известного в ту пору литературного критика М. Догдурова “Садриддин Айни” вышла в партийной газете “Кызыл Кыргызстан” 26 ноября 1935 г. Приведем здесь еще несколько наиболее крупных, характерных публикаций: Мулложанов М. Көркөм сөздүн залкар чебери (М. Турсун-заде жөнүндө) // 1976, 18-сентябрь; Уметалиев Т. Тоодой чоң жазуучу (С. Айни) // Ала-Тоо, 1978, № 6; Каримов М. Көзү өтсө да, сөзү өлбөйт (М. Турсун-заде) // Кыргыз туусу, 1991, 1 мая; Абдыкалыков Ж. Чыгыштын залкар акыны (М. Турсун-заде) // Кыргыз туусу, 1992, 6 декабря. Публикации других классиков: Абдыраманов Ш. Улуу акын Саади жана анын “Гүлстаны” // Кыргызстан маданияты, 1981, 24 сентября; Мамытов Ж. Революцияга, адамга ишениш (А. Лахути) // Кыргызстан маданияты, 1987, 17 декабря; Турсунов Э. Фарс классиктери кыргыз тилинде. Чыгыш берметтери. Бишкек, 1998. С. 3–10; Эркебаев А. Тарыхый революциялык эки акын // Кыргызстан маданияты, 1976, 30 сентября.

Крупнейший кыргызский поэт и переводчик Эрнис Турсунов, недавно ушедший из жизни, так писал о влиянии на кыргызских акынов-письменников самых известных таджикско-персидских и арабских поэтов Средневековья: “Начало интереса кыргызов к творчеству арабо-персидских поэтов относится к XV–XVI векам, в XIX веке этот интерес особенно возрос. В произведениях Калыгула, Арстанбека, Молдо Кылыча, Жеңижока, Байымбета, Молдо Нияза, Нурмолдо особенно явственно ощущается влияние бессмертных произведений Саади, Хафиза, Жами, Руми”.

Еще одна важная форма литературных взаимосвязей – *посвящения* друг другу поэтов двух стран *стихов* с выражением глубоких дружеских чувств.

Литература

1. Садохин А.П. Мировая художественная культура / А.П. Садохин, Т.Г. Грушевицкая. М.: ЮНИТИ, 2010.
2. Маликов К. Тандалган ырлар / К. Маликов. Фрунзе: Кыргызмамбас, 1954.
3. Соронкулов Г.У. Читательские интересы учащихся и пути активизации внеклассного чтения русской литературы в киргизской школе: автореф. канд. дис. / Г.У. Соронкулов. Ташкент, 1989. 20 с.
4. Жусуев С. Миң кайрык / С. Жусуев. Бишкек: Шам, 2000.
5. Чыгыш берметтери. Бишкек, 1998.